

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 4

ЗОЛОТО ЛАДОГИ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Золото Ладоги

«Автор»

2026

Карадениз М.

Золото Ладоги / М. Карадениз — «Автор», 2026

Ленинград, ноябрь 1941 года. Дорога жизни — единственная нить, связывающая город с большой землёй. По льду Ладожского озера идут машины с хлебом, но одна из них уходит под воду при странных обстоятельствах. Лейтенант НКВД Алексей Ухтомский, проверявший колонну, успевает заметить: в грузовике везли не муку. Следы ведут в Гохран, где в 1919 году был подписан акт о «потере» золотого запаса. Подписи под документом поставили трое: генерал Глухов, эстонский барон фон Дервиз и отец Алексея. Его убили через неделю. Ухтомский раз за разом натывается на глухую стену: полковник Глухов уничтожает улики, свидетели умирают, а самого следователя отправляют на фронт. Но он не сдаётся. Ему предстоит найти золото, которое одни считают утерянным, а другие — хорошо спрятанным.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «Лёд треснул в 23.15»	5
ЧАСТЬ I. «ДНО»	8
Глава 1. «Приказ на молчание»	8
Глава 2. «Ладожский лёд»	11
Глава 3. «Свидетель с того света»	14
Глава 4. «Флэшбек. 1919. Эстонский коридор»	17
Глава 5. «Архивный с	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мурат Карадениз

Золото Ладоги

ПРОЛОГ. «Лёд треснул в 23.15»

Время: 15 ноября 1941 года, 23:15

Место: Ленинград, Ладожское озеро, Дорога жизни, между Кобоной и Осиновцем

Блокада | Алексей Ухтомский

Ночь была такой, что звёзды кололи глаза.

Не метафора — реальность. Мороз под тридцать, ветер с озера такой плотный, что кажется, его можно резать ножом. Небо чистое, ни облачка, и звёзды висят низко, крупные, как осколки льда, вмёрзшие в черноту. Луна вышла из-за туч ровно в одиннадцать, и сразу стало светлее, но не легче. Свет этот был не тёплым, а мертвенно-белым, как от керосиновой лампы в морге.

Алексей Ухтомский сидел в кузове полуторки, прижавшись спиной к холодному борту, и старался не дышать ртом. Пар вырывался изо рта клубами, оседал на воротник шинели, тут же замерзал. Правая рука, та, что ближе к борту, онемела от холода, но он боялся пошевелить ею — вдруг заденет соседа, солдата из сопровождения, который спал или притворялся, что спит. В кузове их было четверо: двое бойцов с винтовками, шофёр в кабине и он, лейтенант госбезопасности Ухтомский, которого начальство наказало «проверкой маршрутов эвакуации».

Формальность. Ссылка. Способ убрать с глаз долой после того, как он посмел копаться в деле о фарфоре и убийстве оценщика Кедрина. Глухов, тогда ещё полковник, сказал: «Поездишь по льду, подышишь свежим воздухом. Может, умнее станешь». Алексей не стал спорить. Спорить с Глуховым было бесполезно. Тот уже тогда, в ноябре 1941-го, был в фаворе: звёзды на погонах, личный кабинет в Смольном, телефонный звонок в Москву без очереди.

Колонна шла медленно. Три полуторки, одна за другой, с интервалом метров двадцать. Впереди — головная машина с мукой. Точнее, с мукой. Алексей помнил, что сказал ему шофёр их машины, дядя Коля, старый ладожский волк, знавший эту дорогу ещё по финской кампании: «В головной — хлеб. В нашей — хлеб. А в той, что за нами, — тоже хлеб. Война, лейтенант, экономия. Раньше по два рейса делали, теперь по одному, зато груза больше».

Алексей не спросил, откуда дядя Коля знает про груз. Может, видел накладные. Может, чутьё. Ладожские водители чуяли лёд за километр, по звуку, по цвету, по тому, как дрожит кабина. Они знали, где можно разогнаться, а где лучше сбросить газ до минимума, чтобы не продавить.

Лёд в ту ночь был хорошим. Толщина — сантиметров двадцать пять, не меньше. После первых заморозков ноября он встал крепко, и военные коменданты разрешили пустить больше машин. Дорога жизни работала на полную мощность — город на Неве ждал хлеб, ждал муку, ждал спасения.

Где-то далеко, за Литейным мостом, слышались разрывы зениток — немцы бомбили порт. Но здесь, на озере, было тихо. Только лёд потрескивал под колёсами, и ветер выл в радиаторных решётках.

Алексей задремал.

Не спал он уже вторые сутки — сначала разбираал дела в архиве, потом добирался до Кобоны на попутной машине, потом ждал погрузки. Усталость скрутила тело в тугой узел, мысли путались, перед глазами плыли цветные пятна. Он закрыл глаза всего на минуту — и провалился в темноту.

А потом его выбросило из сна, как осколком.

Удар. Не тот, что от выбоины — от взрыва. Короткий, глухой, заставивший машину дёрнуться и клюнуть носом.

Алексей открыл глаза.

Впереди, метрах в тридцати, головная полуторка стояла на месте. Не двигалась. Колеса её ушли в лёд по самые ступицы, кузов накренился на левый борт, и из-под днища, из трещины, которая росла на глазах, хлестала вода. Чёрная, маслянистая, с мелкими льдинками.

— Лёд трещит! — заорал дядя Коля из кабины, выворачивая руль влево. — Держись, пацаны!

Наша полуторка вильнула, чуть не задев заднюю машину, которая уже сдавала назад, и выкатилась на плотный участок. Алексей ударился головой о борт, в глазах потемнело.

Когда он сфокусировал взгляд, головная машина уже тонула.

Не сразу. Сначала она замерла, будто примерялась, потом осела на левый борт, ящики в кузове посыпались в воду. Трещина раздалась вширь, ледяные плиты поднялись торчком, и полуторка, качнувшись в последний раз, ушла под воду. Темнота поглотила её. Только задний борт ещё светился в лунном свете — секунду, другую, — и тоже скрылся.

Из кузова успели выпрыгнуть двое. Солдаты. Один — молодой, лет восемнадцати, в расстёгнутой шинели — барахтался в полынье, хватался за льдину, срывался. Второй — постарше, с седой щетиной — плыл к нашей машине, работая руками как сапёр лопатой.

— Там не мука! — заорал молодой, прежде чем его накрыло волной. — Золото! Червонцы! Я видел, в ящиках блестит!

Его унесло под лёд.

Второй солдат вылез, дядя Коля и ещё один боец вытащили его за шиворот. Он лежал на снегу, выплёвывая воду, и повторял:

— Ящички... тяжёлые... не мука... металл.

Алексей спрыгнул в снег, подбежал к краю полыньи.

Вода уже начинала замерзать, на поверхности образовалась тонкая корка льда, белая, как сахарная глазурь. Из-под неё ничего не было видно. Только тьма и тишина.

Он смотрел в эту чёрную воду и думал о том, что сказал солдат.

Золото.

Здесь, на Дороге жизни, где каждый килограмм хлеба на вес золота, везли не муку. Везли червонцы.

Кто? Зачем? И главное — кому выгодно, чтобы груз утонул?

Позади, из кабины головной машины, вылез лейтенант — командир колонны. Бледный, с трясущимися губами, он тыкал пальцем в карту, кричал дяде Коле: «Как так? Лёд был крепкий! Проверяли утром!» Дядя Коля молчал, смотрел на полынью, и глаза его были как у человека, который всё понял, но не скажет.

Алексей подошёл к краю полыньи, присел на корточки.

На льду, у самой кромки, лежала доска — обломок ящичка. Он поднял её. Древесина была свежей, не тронутая водой. На ней, выжженная типографским способом, была маркировка.

«Гохран. Особый груз. Партия № 7. Обращаться с осторожностью».

Гохран.

Алексей знал это слово. Государственное хранилище ценностей. Золотой запас. Драгоценности Романовых.

Он сунул доску под шинель, встал.

— Лейтенант, — позвал он командира колонны. — Кто принимал груз в Кобоне?

— Не знаю, — тот отвёл глаза. — Мне приказали везти. Сказали — мука.

— Кто приказал?

— Полковник... из Смольного. Фамилию не называл.

Алексей похолодел.

Полковник из Смольного. Глухов.

Он вернулся в кузов, сел на ящик с мукой (настоящей мукой, которую везли они). Закурил — последнюю папиросу. Пальцы дрожали, но не от холода.

Теперь он знал.

Война. Блокада. Город умирает от голода. А кто-то в это время возит по Ладоге золото — не хлеб. И топит его, чтобы скрыть следы.

Вопрос: чьё золото? Романовых? Советского правительства? Или то, что вывезли из Гохрана в 1919-м, когда белые наступали на Петроград?

Вопросов было больше, чем ответов.

Но Алексей знал одно: Глухов не остановится. И он, Ухтомский, не остановится тоже.

Полуторка чихнула, завелась.

Колонна двинулась дальше, объезжая полынью по дуге.

Алексей смотрел на чёрную воду, которая смыкалась над теми, кто остался на дне.

Лёд треснул в 23.15.

Правда треснула позже. И не на льду.

ЧАСТЬ I. «ДНО»

Глава 1. «Приказ на молчание»

Время: 18 ноября 1941 года, 10:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет полковника Глухова

Блокада | Алексей Ухтомский

Кабинет полковника Глухова находился на третьем этаже Смольного, в бывшей гостиной дворянского собрания. Высокие потолки, лепнина, тяжёлые портьеры, которые задернули ещё в сентябре, чтобы светомаскировка не пропускала ни одного луча. На столе — зелёное сукно, чернильница, тяжёлый бронзовый прибор для письма. На стене — портрет Сталина в парадном кителе. Пахло здесь не так, как в других кабинетах. Не махоркой и казёнными щами — дорогим табаком, кожей, чем-то ещё, что Алексей не мог определить. Деньгами, наверное. Или властью.

Глухов сидел за столом, не поднимая головы. Читал бумагу. Ту самую, которую Алексей написал вчера ночью, вернувшись с Ладоги. Рапорт о гибели грузовика, о золоте, о маркировке «Гохран. Особый груз. Партия № 7». Алексей писал его три часа, выводя букву за буквой, боясь ошибиться. Переписывал дважды, потому что от усталости и голода дрожали руки. Теперь этот рапорт лежал на столе у Глухова, и полковник изучал его с видом человека, который проверяет диктант у нерадивого ученика.

— Садитесь, Ухтомский, — сказал Глухов, не поднимая глаз.

Алексей сел на стул, стоявший напротив. Стул был жёстким, с прямой спинкой, без подлокотников — такие ставили для провинившихся. Специально, чтобы сидеть было неудобно.

Глухов дочитал, отложил рапорт. Поднял голову. Лицо его было спокойным, даже добродушным, но глаза оставались холодными. Алексей уже знал этот взгляд — в 1941-м, когда они впервые встретились после убийства Кедрина, Глухов смотрел точно так же. Спокойно, будто ничего страшного не произошло. Будто смерть оценщика была досадной формальностью.

— Вы в своём уме? — спросил Глухов.

— Так точно, товарищ полковник.

— Тогда зачем вы написали этот бред?

— Это не бред. Я видел ящики. Маркировку. Солдаты слышали, как один из утонувших кричал про золото. — Алексей говорил ровно, стараясь не повышать голос. — Я поднял доску от ящика. Там было написано...

— Знаю, что там было написано, — перебил Глухов. — «Гохран. Особый груз». Я умею читать, Ухтомский.

— Тогда почему вы называете это бредом?

Глухов усмехнулся. Достал из ящика стола папиросу, закурил. Дым пустил в потолок, не в сторону Алексея. Жест презрения, но не вызова — просто ему было плевать, что думает этот лейтенант, которого он мог отправить в штрафбат одним звонком.

— Потому что, Ухтомский, не было никакого золота. Был хлеб. Хлеб для Ленинграда. Вы слышали о блокаде? Люди пухнут от голода на улицах. Детей хоронят в общих могилах. А вы пишете рапорты о каких-то червонцах.

— Я пишу правду, товарищ полковник.

— Правда? — Глухов наклонился вперёд, положил руки на стол. — Хотите, я скажу вам правду? В том грузовике была мука. Вся колонна везла муку. Грузовик провалился под лёд из-за того, что водитель нарушил дистанцию и превысил скорость. Трое военнослужащих погибли. Им положены похороны, семьям — пособие. Всё. Больше ничего.

— А маркировка?

— Ошибка. Бывают старые ящики. Их используют повторно. В одном ящике могла быть мука, а на нём — старая бирка от другого груза. Это война, Ухтомский. Такое случается.

Алексей сжал кулаки. Он знал, что Глухов врёт. Знал по голосу, по глазам, по тому, как полковник избегал смотреть на доску, которую Алексей приложил к рапорту. Доска лежала тут же, на столе, с чёткой маркировкой «Гохран. Особый груз». Глухов даже не взглянул на неё.

— Вы приказываете мне забыть? — спросил Алексей.

— Я приказываю вам выполнять свой долг, — ответил Глухов, выпуская дым. — Ваш долг — не расследовать то, чего не было. Ваш долг — проверять маршруты эвакуации, следить за сохранностью грузов и не совать нос в дела, которые вас не касаются.

— А если я откажусь?

Глухов усмехнулся. Не зло — скучающе, как взрослый, которому надоели капризы ребёнка.

— Вы не откажетесь, Ухтомский. Потому что если вы откажетесь, я отправлю вас на фронт. В разведроту. Под Синявино, где немцы косят наших пачками. Или в штрафбат, что ещё вернее.

— Это угроза?

— Это забота о кадрах. Вы умный человек, Ухтомский. Такие нужны в тылу. — Глухов потушил папиросу, встал. — Поэтому я даю вам шанс. Забудьте про золото. Сдайте дела по эвакуации, идите в архив, перебирайте старые бумаги. Через пару месяцев война кончится или вы получите новое назначение. А пока — не отвешивайте.

Он протянул Алексею лист бумаги. Приказ, отпечатанный на машинке, с подписью и печатью.

«Лейтенанта Ухтомского А.В. отстранить от проверки маршрутов эвакуации. Направить в распоряжение архивного отдела УНКВД ЛО для разбора секретных материалов 1918–1920 годов. Срок — до особого распоряжения».

Алексей взял приказ, не читая. Встал.

— А рапорт?

— Рапорта не было. — Глухов взял со стола бумагу, которую Алексей писал три часа, и разорвал пополам. Потом ещё раз, и ещё, и бросил клочки в корзину для мусора. — Вы ничего не видели. Ничего не слышали. И если я узнаю, что вы кому-то расскажете эту байку про золото, я лично прослежу, чтобы вы попали в ту часть, где шансов выжить нет.

Алексей молчал.

Он смотрел на клочки рапорта в корзине. На своё имя, на даты, на факты, которые Глухов уничтожил за минуту. Чувство бессилия было таким острым, что, казалось, его можно потрогать — оно встало комом в горле, мешало дышать.

— Вы свободны, — сказал Глухов, садясь на место.

Алексей повернулся и вышел. Не козырнул — не видел смысла.

В коридоре он остановился, прислонился лбом к холодной стене.

Руки дрожали. Не от страха — от бешенства.

Он мог пойти к начальнику управления. Написать жалобу. Потребовать проверки. Но Глухов был прав — никто не станет проверять. Война, блокада, каждый день счёт на тысячи жизней. Кому есть дело до грузовика, утонувшего в Ладоге, и до какого-то лейтенанта, который копаются в архивах?

Он выпрямился, застегнул шинель, поправил ремень.

В архив — так в архив.

Но он не забудет. И не простит.

Потому что утонули не просто ящики. Утонули люди. А тот, кто отдал приказ везти их по тонкому льду, знал, что они не вернуться.

Глухов знал.

И он заплатит.

Не сегодня — завтра. Или через десять лет. Или его правнуки.

Алексей зашагал к лестнице.

В кармане лежал маленький обрывок — кусочек доски с маркировкой, который он не приложил к рапорту, а оставил на всякий случай.

«Гохран. Особый груз. Партия № 7».

Доказательство, которое Глухов не уничтожил. Потому что не знал о нём.

Алексей спустился на первый этаж, вышел на улицу.

Мороз ударил в лицо, глаза заслезились.

Смольный стоял за спиной — серый, холодный, чужой.

Внутри него сидел Глухов. И смеялся.

Но Алексей знал — смеяться он будет недолго.

Глава 2. «Ладожский лёд»

Время: 19 ноября 1941 года, 16:00

Место: Ленинград, Смольный, архивный отдел (подвальное помещение)

Блокада | Алексей Ухтомский

Архивный отдел размещался в подвале Смольного, там, где раньше, до революции, хранили дрова для каминов. Теперь здесь стояли железные стеллажи, заставленные папками, коробками, связками пожелтевших бумаг. Пахло сыростью, плесенью и крысиным ядом. Лампочка под потолком горела вполнакала, света хватало только чтобы различать надписи на корешках.

Алексей сидел за столом, который ему выделили в углу, — шаткий, с выдвижным ящиком, где кто-то забыл ржавую ложку и огарок свечи. Перед ним лежала стопка дел за ноябрь 1941 года: накладные на грузы, отправленные по Дороге жизни. Он перебирал их уже третий час. Глаза слипались, пальцы занемели от холода, но он продолжал.

Глухов думал, что ссылка в архив остановит его. Ошибался.

В рапорте, который полковник разорвал, Алексей не указал главного: он успел сфотографировать доску с маркировкой. Не сам — попросил знакомого фотографа из отдела пропаганды, который работал при Смольном. Снимок получился мутным, но текст читался. *«Гохран. Особый груз. Партия № 7»*. Плёнку Алексей спрятал в левый ботинок, под стельку. Там же лежал и маленький обрывок наждачной бумаги — чтобы не выпала.

Теперь он искал подтверждение. Бумажное. То, что нельзя уничтожить одним росчерком.

Накладная попала в пятой папке, в самом низу. Лист был старым, с выцветшими чернилами, но типографский бланк сохранился хорошо. Алексей поднёс его к лампе.

«ГОХРАН. Накладная № 47/Л

Дата отправки: 14 ноября 1941 года

Отправитель: Гохран СССР, Москва

Получатель: УНКВД ЛО, Смольный

Груз: 14 ящиков, общий вес 3200 кг

Содержимое: _____ (далее следует строка, заполненная от руки)»

В графе «содержимое» было написано карандашом, размашисто, с нажимом: *«мука, 1 сорт»*. Но поверх карандаша, чернилами, пером, тем же почерком, но более твёрдым, значилось: *«золотой запас, партия 7. Червонцы. 1 200 000 руб.»*

Алексей перечитал три раза.

Чернила были свежее карандаша. Кто-то исправил документ после того, как груз ушёл. Или до того — как инструкцию для тех, кто будет проверять. Карандаш — для тамошни, чернила — для своих.

Подпись внизу была неразборчивой. Буквы плясали, кто-то торопился, ставил росчерк на бегу. Но Алексей узнал наклон. Он видел этот почерк в других делах, которые вёл Глухов.

Он достал из кармана маленький блокнот, перерисовал накладную — все цифры, все пометки, даже кляксу в углу. Потом вытащил из-за голенища сапога маленький фотоаппарат

— «Смену», трофейный, который он выменял у одного из солдат на папиросы. Навёл, сфотографировал.

В дверях слышались шаги.

Алексей резко обернулся. На пороге стоял архивариус — старик в очках с треснувшей дужкой, в ватнике, подпоясанном верёвкой. Он смотрел на Алексея долго, изучающе, потом перевёл взгляд на стол, на накладную.

— Вы что там делаете, товарищ лейтенант? — спросил он тихо, почти шёпотом.

— Проверяю документы.

— Какие?

— По эвакуации грузов.

Старик подошёл ближе, наклонился, прочитал накладную. Поблудел.

— Это не надо трогать, — сказал он. — Это... это закрыто.

— Кем?

— Не знаю. Но приходили. Из особого отдела. Забирали такие бумаги.

— Забирали?

— Да. Несколько папок. Сказали — уничтожить. Я не уничтожил. Спрятал.

— Где?

Старик покосился на дверь, потом на стеллаж в углу, заваленный рулонами старых карт.

— Там. За картами. Но вы не ищите. Вас убьют.

— Кто?

— Те, кто приходил.

Алексей посмотрел на старика. Глаза у того были испуганными, но не безумными. Он знал, о чём говорил.

— Покажите, — сказал Алексей. — Быстро.

Старик колебался секунду, потом подошёл к стеллажу, отодвинул рулоны. За ними, прижатая к стене, стояла картонная папка с надписью «Секретно. Сдать в архив 1941».

Он вытащил её, положил на стол.

Алексей открыл.

Внутри — накладные. Несколько. Та же дата, тот же груз, те же пометки карандашом и чернилами. И письмо — на бланке Гохрана, с печатью.

«Начальнику УНКВД ЛО полковнику Глухову М.С.

Направляем для дальнейшего сопровождения партию № 7 (золотой запас, 1 200 000 руб.) в соответствии с особым распоряжением от 10 ноября 1941 года. Маршрут — через Ладожское озеро, Кобона — Осиновец. Груз подлежит передаче в Смольный лично адресату.

Председатель Гохрана (подпись неразборчива)»

Алексей прочитал, сфотографировал.

— Вы не оставите это здесь? — спросил старик дрожащим голосом.

— Нет. Я забираю.

— Меня убьют.

— Не убьют. Вы ничего не видели.

Он сунул фотоплёнку и копии накладных в карман гимнастёрки, спрятал под подкладку. Папку положил на место, задвинул рулонами карт.

— Спасибо, — сказал он старику.

— Не за что, — ответил тот. — Только уходите. Сейчас.

Алексей вышел из архива.

В коридоре его ждал сюрприз. Двое в штатском, с тяжёлыми челюстями и одинаковыми пальто — люди Глухова. Один из них держал в руке бумагу.

— Лейтенант Ухтомский?

— Да.

— Вам предписание. — Он протянул лист. — На фронт. Немедленно. Машина ждёт у входа.

Алексей взял бумагу, прочитал.

«В связи с тяжёлой обстановкой на Волховском фронте и нехваткой офицерского состава направить лейтенанта Ухтомского А.В. в распоряжение командующего 54-й армией. Отбыть сегодня. Срок — до особого распоряжения».

Подпись — Глухов.

Без объяснений. Без права обжалования.

— Вещи? — спросил Алексей.

— Заберёте на месте. У вас есть десять минут.

Он не стал спорить. Прошёл в свою комнату — бывшую кладовку на втором этаже, где хранил личные вещи. Взял шинель, вещмешок, пару белья, бритву. И дневник — тот самый, в который записывал всё, что происходило.

В дневнике он написал карандашом, торопливо, почти не разбирая букв:

«19 ноября. Меня отправляют на фронт. Глухов замечает следы. Но документы у меня. Копии. Фотографии. Я сохраню. Или не я — тот, кто выживет после меня».

Он спрятал дневник на дно вещмешка, под запасные портянки.

Машина ждала у входа — полуторка с брезентовым верхом, с потухшими фарами. Шофёр — молодой, безусый — молча кивнул на кабину.

Алексей сел. Захлопнул дверцу.

Сзади остался Смольный, архив, старик, который, возможно, уже подписал себе смертный приговор. И Глухов — победитель.

Но у Алексея было то, чего Глухов не знал. Доказательства. Копии. Фотографии.

И желание выжить.

Не для себя. Для правды.

Машина тронулась.

Ленинград таял за мутным стеклом — дома, сугробы, редкие прохожие.

Алексей смотрел на город, где умирали люди от голода, а на Ладого топили золото. Где власть принадлежала тем, кто грабил страну под видом спасения.

Он вернётся.

Он обязательно вернётся.

Глава 3. «Свидетель с того света»

Время: 20 ноября 1941 года, 14:00

Место: Ладожское озеро, берег у Кобоны, лагерь для военнопленных

Блокада | Алексей Ухтомский

Лагерь для пленных финнов располагался в трёх километрах от Кобоны, в бывшем рыбацком посёлке, который немцы не бомбили только потому, что на карте его не было. Несколько домов, обнесённых колючей проволокой, два барака для солдат, блиндаж для охраны и полевая кухня, которая варила баланду из того, что удавалось найти. Пахло здесь сыростью, прелой соломой и ещё чем-то сладковато-тошнотворным — разложением.

Алексея привезли сюда вчера вечером, после того как он отпросился у коменданта поезда. Формально — как переводчик. В лагере содержалось около трёхсот финнов, взятых в плен под Выборгом и Тихвином. Язык Алексей знал плохо — учил в школе, потом на курсах военных переводчиков, но говорить мог. Этого хватило.

Настоящая цель была другой.

Он искал свидетеля. Того, кто выжил при потоплении грузовика на Ладоге. В лагерь свозили раненых — тех, кого не успели эвакуировать в госпитали, кто был слишком тяжёл для транспортировки. Среди них мог быть тот самый солдат, который кричал «Золото!» перед тем, как скрыться под водой.

Солдата звали Николай Серебряков. Алексей узнал его фамилию утром, когда проверял списки раненых в лагерной канцелярии. Серебряков, 1918 года рождения, красноармеец, 3-я рота сопровождения грузов. Поступил в лазарет 16 ноября — обморожение, осколочное ранение спины, состояние тяжёлое.

— Он жив? — спросил Алексей у фельдшера, молодой женщины в засаленном халате.

— Пока да. Но не жилец, — ответила она, не поднимая головы. — Ранение в лёгкое, началась гангрена. Держится на камфаре.

— Мне нужно поговорить с ним.

— Он в бреду. Не говорит. Только стонет.

— Я попробую.

Фельдшер пожала плечами и указала на барак в конце посёлка.

Внутри было темно и душно. Печка-буржуйка, набитая сырыми дровами, дымила, но не грела. Раненые лежали на нарах, на полу, на матрасах, набитых соломой. Кто-то спал, кто-то бредил, кто-то смотрел в потолок невидящими глазами. Пахло йодом, гноем и смертью.

Серебряков лежал в углу, на нижних нарах, укрытый шинелью. Лицо его было белым, как бумага, с синими губами и запавшими глазами. На лбу — капли пота, хотя в барাকে было не больше десяти градусов. Грудь перевязана, повязка пропиталась кровью и сукровицей.

Алексей сел на край нар.

— Николай? — тихо позвал он.

Солдат не ответил. Только веки дрогнули.

— Я лейтенант Ухтомский. Я был там, на Ладоге, когда ваш грузовик утонул. Я видел.

Вы кричали про золото. Помните?

Серебряков открыл глаза. Мутные, с жёлтыми белками, но живые. Он посмотрел на Алексея долго, будто узнавал, потом прошептал:

— Золото... ящики... тяжёлые...

— Да. Я помню. Кто дал приказ везти этот груз? Кто знал, что в машине золото?

— Полковник... из Москвы... — голос солдата был хриплым, прерывистым, каждое слово давалось с трудом. — Фамилию... не знаю... Говорил по-русски... без акцента...

— Он был в Кобоне? Когда грузили ящики?

— Да... Приезжал... Смотрел... Сказал — везите... по льду... там короче...

— Кто ещё был с ним?

— Лейтенант... молодой... с меткой на руке...

— Какой меткой?

— Татуировка... меч... — Серебряков закашлялся, застонал, схватился за грудь. — Такой... маленький... на кисти...

Алексей похолодел.

Меч. Тот самый знак, который он видел на шее Кедрина, на фарфоровых тарелках, на янтарных ящиках. Символ Глухова. Но у Глухова не было татуировки. Значит, кто-то из его людей. Может, тот самый «Глеб», о котором говорил дворник. Может, наёмник, убивший свидетелей.

— Ты узнаешь его, если увидишь? — спросил Алексей.

— Узнаю... лицо... шрам на щеке... — Солдат снова закашлялся, на этот раз дольше, надрывнее. На губах выступила кровь. — Лейтенант... Вы скажите... золото... нашли?

— Нет ещё. Но найду.

— Не надо... Его не найти... Оно на дне... Или у них... — Серебряков закрыл глаза. — Я умираю... Не дайте им... уйти...

Он не договорил. Дыхание его стало прерывистым, потом затихло.

Алексей прижал пальцы к шее — пульс едва прощупывался, слабый, нитевидный. Он позвал фельдшера. Та подошла, посмотрела, покачала головой.

— Кончается. Часа два-три, не больше.

— Ему нужен врач.

— Нет врачей. Всё на фронте. Мы здесь сами.

Алексей встал. Взял Серебрякова за руку — холодную, сухую, с чёрными от грязи ногтями. Сжал.

— Спасибо, — сказал он. — Я запомнил.

Солдат не ответил. Может, не слышал. Может, уже был в забытьи.

Алексей вышел из барака.

Свет резанул глаза, хотя день был пасмурным, низким, с позёмкой. Ладога лежала за посёлком — серая, тяжёлая, с лентами снега на льду. Там, на дне, лежало золото, которого не было. Или было. Или его подняли. Или нет.

Он думал о полковнике из Москвы. Не Глухов — тот сидел в Смольном, званий у него хватало. Значит, кто-то выше. Может, из Гохрана. Может, из правительства.

И о лейтенанте с меткой-мечом.

Его он найдёт.

Обязательно.

В лагерной канцелярии Алексей попросил лист бумаги, ручку. Написал короткий рапорт — не для Глухова, для себя.

«20 ноября 1941 года. Ладога, лагерь № 7.

Свидетель Серебряков Н. подтвердил факт перевозки золота (партия № 7, сумма не менее 1 200 000 рублей). Назвал приметы двух участников: полковник из Москвы (неустановлен) и лейтенант с татуировкой в виде меча на кисти. Серебряков при смерти. Других свидетелей нет.

Ухтомский».

Он спрятал лист в карман, туда же, где лежали фотоплёнка и копии накладных.

Из посёлка он уехал на попутной машине, которая везла снаряды на фронт. Шофёр — пожилой, молчаливый — не спрашивал, кто он и зачем был в лагере. Алексей сидел в кузове, прижавшись спиной к холодному борту, и смотрел на Ладогу.

Озеро было спокойным. Лёд окреп, по нему шли машины — с хлебом, с боеприпасами, с людьми. И с золотом.

Где-то там, под толщей воды, лежали ящики с червонцами. Или уже нет.

Алексей знал: он вернётся сюда. Не сейчас — весной, когда лёд растает. Или через год. Или через десять лет.

Но он поднимет это золото.

Не для себя — для правды.

Машина тряслась на выбоинах, ветер завывал в щелях брезента. Алексей закрыл глаза и провалился в тяжёлый, без сновидений сон.

Глава 4. «Флэшбек. 1919. Эстонский коридор»

Время: ноябрь 1919 года, 23:00

Место: Петроград, подвал Гохрана (Кабинетная улица), кабинет отца

1919 | Алексей Ухтомский (11 лет)

Подвал Гохрана пах так же, как всё в Петрограде в тот год, — пылью, холодом и страхом. Но к этому запаху примешивалось ещё кое-что: сургуч, старая бумага, железо сейфов. И тишина. Особенная тишина хранилища, где лежали ценности, которые уже не принадлежали никому, потому что их прежние хозяева были расстреляны, бежали или умерли от голода.

Алексей Ухтомский, одиннадцати лет, сидел под столом в кабинете отца и очень старался не дышать.

Отец его, Владимир Алексеевич Ухтомский, служил в Гохране младшим учётчиком — пересчитывал золотые монеты, заполнял описи, следил за сохранностью печатей. Работа была скучной, но важной. Государство собирало национализированные ценности, считало, пересчитывало, вывозило в неизвестном направлении.

Алексей не знал, что будет делать здесь сегодня. Отец взял его с собой, потому что мать была в лазарете — тиф, четвёртый случай на их улице за месяц, — и оставлять мальчика одного в промёрзшей квартире было страшно. «Посиди тихо, — сказал отец, — я перепишу пару описей, и пойдём домой». Алексей кивнул и залез под стол, где было темно и пахло кожаными сапогами отца и почему-то мятой.

В кабинет отец пришёл с папкой бумаг. Сел за стол, зажёл свечу — электричество в Гохране давали с перебойми, экономили. Алексей слышал, как скрипит перо, как отец переворачивает листы, как бормочет что-то под нос, складывая цифры.

Потом в дверь постучали.

Негромко, но уверенно. Два удара, пауза, ещё три.

Отец поднялся, пошёл открывать.

Алексей замер под столом, поджав колени к животу. Он уже знал, что, когда в кабинет приходят гости поздно вечером, ничего хорошего ждать не стоит. В прошлый раз, когда так постучали, пришли за соседом сверху — двое в кожанках увели его, и больше его никто не видел.

Дверь открылась. Вошли двое.

Алексей не видел их лиц — только ноги в высоких сапогах, кожаные краги, ремни с кобурами. Один был высоким, худым, с тростью — по ней Алексей догадался, что пришедший хромает. Второй — плотный, коренастый, с тяжёлой поступью.

— Владимир Алексеевич? — спросил первый, тот, с тростью. Голос у него был спокойным, почти ласковым, но Алексей почувствовал в нём что-то чужое, ненастоящее.

— Я слушаю вас, — ответил отец. Он стоял у стола, сложив руки на груди, и не приглашал гостей садиться.

— Мы по тому самому делу, — сказал второй, коренастый. — Груз. Партия седьмая.

— Я уже дал ответ, — сказал отец. — Я не подпишу.

Алексей прижался щекой к ножке стола. Он старался не кашлять, не шевелиться, даже не моргать. Под столом было пыльно, глаза слезились, но он терпел.

— Владимир Алексеевич, не глумите, — первый шагнул ближе. Трость стукнула о паркет глухо, будто удар сердца. — Это не я придумал. Это распоряжение сверху. Груз должен уйти в Эстонию. Потом в Англию. Золото Романовых — не советское золото. Нам оно не нужно.

— Нужно, — ответил отец. — Всё, что национализировано, принадлежит государству. Я не могу подписать акт о списании того, что не списано.

— Можете. И подпишете. — Коренастый достал из кармана конверт, бросил на стол. — Здесь ваша доля. За беспокойство.

Отец не взял конверт. Он смотрел на гостей, и в тишине Алексей слышал его дыхание — тяжёлое, с присвистом.

— Фон Дервиз, — сказал отец. — Вы же понимаете, что это преступление?

— Я понимаю, что это бизнес, — ответил тот, которого называли фон Дервиз. Голос его стал жёстче, ласковость исчезла. — Вы живёте в Петрограде, Владимир Алексеевич. Голод, разруха, тиф. Ваша жена в лазарете. Ваш сын под столом.

Алексей замер.

Они знали.

— Выходи, мальчик, — сказал фон Дервиз, не повышая голоса. — Не прячься. Ты же умный, ты всё равно всё понял.

Алексей не двинулся.

— Выходи, я сказал! — рявкнул коренастый, ударив ногой по столу.

Стол дёрнулся, свеча упала, покати́лась по полу. Алексей вылез из-под стола, на четвереньках, поднялся, прижался к отцу. Отец обнял его, придержал за плечо.

— Не трогайте его, — сказал отец. — Я подпишу. Но чтобы больше вы к нам не приходили.

— Разумное решение, — кивнул фон Дервиз.

Отец сел за стол, достал из ящика чистый лист бумаги, ручку. Написал короткий текст — Алексей не видел какой, но запомнил, как отец вывел свою подпись — крупно, размашисто, будто ставил точку.

Фон Дервиз взял лист, сложил, положил в портфель. Коренастый подобрал конверт со стола, спрятал в карман.

— Умный человек — живой человек, — сказал фон Дервиз, направляясь к выходу. — Доброй ночи, Владимир Алексеевич.

Они ушли.

Отец долго сидел неподвижно, потом достал из стола ещё один лист — копию акта, который только что подписал. Положил его в конверт, запечатал сургучом, написал на конверте адрес — какой-то, Алексей не запомнил.

— Алёша, — сказал он, поворачиваясь к сыну. — Запомни эту фамилию. Фон Дервиз. Это эстонский барон. Если меня не станет, ты должен будешь когда-нибудь найти этот акт. Он у моего друга, в надёжном месте.

— Почему тебя не станет? — спросил Алексей.

— Так, на всякий случай. Иди домой. Я догоню.

Алексей не пошёл домой. Он спрятался в коридоре, за вешалкой, и ждал. Через час отец вышел из кабинета, пошёл по коридору — не в сторону выхода, а в сторону сейфовой комнаты. Алексей крадучись двинулся за ним. Отец зашёл в сейфовую, что-то делал там долго, потом вышел — с пустыми руками. На лице его было выражение, которое Алексей никогда раньше не видел. Спокойствие. Слишком спокойное, как у приговорённого.

Домой они вернулись вместе, уже под утро.

Через неделю отца нашли мёртвым. «Несчастный случай на работе», — сказали из Гохрана. Упал с лестницы, свернул шею.

Алексей не поверил.

Он вспомнил конверт, который отец спрятал в сейфовой комнате. Вспомнил фамилию — фон Дервиз. И понял, что когда вырастет, он найдёт правду. О том, кто убил отца. О том, кому понадобилось золото Романовых. О том, почему груз, который должен был уйти в Эстонию, всплыл через двадцать два года на Ладoge, в блокаду.

Он был одиннадцатилетним мальчиком. Но с того дня он перестал быть ребёнком.

Глава 5. «Архивный с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.